

Линь Уцю слегка опустил взгляд, избегая моего, и произнес:

— И все же, большое тебе спасибо.

По дороге — возможно, под влиянием царившей вокруг тишины — мы с Линь Уцю больше не проронили ни слова. Когда мы доехали до отеля и я уже собирался выйти из машины, чтобы попрощаться, с другой стороны дороги медленно подкатил черный седан и остановился неподалеку.

Швейцар поспешил навстречу, чтобы открыть дверь. С пассажирского сиденья вышел человек с широкими плечами и длинными ногами, облаченный в безупречный черный костюм.

Сунь Юйчуань.

Взгляд Сунь Юйчуаня задержался на мне на пару секунд, а затем равнодушно переместился на Линь Уцю.

Он часто держался с таким бесстрастным видом, будто одна лишь улыбка стоила бы ему жизни.

Линь Уцю не выказал ни малейшего намерения подойти к нему, а Сунь Юйчуань тем более не собирался проявлять инициативу. Атмосфера внезапно стала странной; мы втроем, не считая отельного коридорного, на мгновение замерли на месте.

Наконец Линь Уцю нарушил молчание и мягко сказал мне:

— Тогда я пойду, спасибо тебе за сегодняшний день.

— Да, хорошо, — я сам обнял его на прощание. — До встречи.

Ночь выдалась прохладной, но от Линь Уцю исходило тепло. Я не стал затягивать объятие — в конце концов, он человек семейный, и излишняя близость ни к чему хорошему не приведет.

И все же, взгляд Сунь Юйчуаня полоснул по мне, словно холодный ветер, прорезающий воздух, и спину пробрал неприятный озноб. Я отпустил Линь Уцю и сказал:

— Иди скорее, спокойной ночи.

Линь Уцю одарил меня легкой улыбкой.

— Спокойной ночи.

Я сел на водительское кресло и медленно завел мотор. В зеркале заднего вида я все еще видел

фигуру Сунь Юйчуаня.

Старинные садовые фонари отеля излучали мягкий желтоватый свет. Он стоял под ними, и его взгляд, темный и нечитаемый, был направлен то ли на меня, то ли куда-то вдаль. Лишь когда Линь Уцю подошел к нему вплотную, он отвел глаза. Они вошли в отель один за другим, и их силуэты скрылись за дверью.

Может быть, причина в том, что раньше они были просто друзьями... Я не видел в отношениях Сунь Юйчуаня и Линь Уцю ничего похожего на любовь, и это казалось мне ужасно скучным.

Я бы предпочел, чтобы Сунь Юйчуань любил кого-то до безумия, чтобы боялся дыхнуть на любимого человека, носил бы его на руках, не позволяя никому даже взглянуть или прикоснуться. Вот это было бы куда интереснее, чем то, что происходит сейчас — когда, даже если он чем-то недоволен, он не переходит черту, оставаясь холодным и рассудительным.

Кому вообще нужно его здравомыслие?

Скука.

Я зевнул и, отведя взгляд, сосредоточился на дороге.

На следующее утро я проснулся простуженным.

Если быть точнее, температура поднялась еще ночью. Мне не хотелось шевелиться, поэтому я просто натянул одеяло на голову и продолжил спать. Сквозь полудрему я услышал звонок телефона и по привычке, не разлепляя глаз, нажал на кнопку ответа. Из трубки раздался холодный, но мягкий голос:

— Сяо Ци, ты уже встал?

Голос казался таким знакомым... Мой мозг, затуманенный жаром, потратил несколько секунд, чтобы вспомнить, кому он принадлежит. Это был тот самый «сокровище» профессора Ши — человек, которого владелец выставочного зала любил до безумия, боялся, что тот растает от тепла или разобьется при падении, запрещая кому-либо на него смотреть или прикасаться.

Он был студентом друга моего научного руководителя, так что я мог с грехом пополам называть его старшим товарищем, и только благодаря ему я смог арендовать выставочный зал за сущие копейки.

— Профессор Ши... — пробормотал я, чувствуя, как сильно охрип голос. — Что-то случилось?

На том конце замаялись, а затем неуверенно спросили:

— Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

— Я... кх-кх...

Я с опозданием осознал, что болен. Голова кружилась, дыхательные пути словно чем-то забило, под одеялом было холодно, но спину прошибал липкий пот.

В голосе профессора Ши зазвучала тревога:

— Сяо Ци?

— Все в порядке, кажется, я простудился...

Я не понимал, насколько высока температура. После переезда за границу я привык переносить мелкие болезни на ногах, а крупные — как бог даст. В общем-то, если не умираешь — выпьешь таблетку, поспишь пару дней, и всё проходит.

Я не расслышал, что сказал профессор, кажется, он хотел вызвать врача. Я в бреду пробормотал, что не нужно, не зная, услышал ли он меня.

Не знаю, сколько прошло времени, но кто-то начал стучать в дверь. Меня это жутко раздражало, я свернулся в комок под одеялом, но гость снаружи продолжал настойчиво стучать. Боясь, что на шум придет соседка, мне пришлось встать и, шлепая тапками, поплестись к двери.

Каково же было мое удивление, когда на пороге оказались не только врач, но и профессор Ши вместе с Линь Уцю.

Я подумал, что от высокой температуры у меня начались галлюцинации. Несколько секунд я тупо смотрел на них, а потом спросил:

— Старший товарищ? Вы... как...

— Утром зашел за кофе и случайно услышал ваш разговор по телефону, — ответил Линь Уцю.

— Заходи скорее, пусть тебя осмотрит врач.

— А... хорошо...

Завернутый в одеяло, я передвигался с трудом. Несмотря на то, что сознание плыло от жара, краем ума я успел порадоваться: хорошо, что я только недавно переехал и не успел устроить в комнате бардак...

Вернувшись в спальню, я рухнул на кровать. Врач достал стетоскоп, а профессор Ши и Линь Уцю остались стоять рядом. Оба выглядели такими встревоженными, будто я был смертельно болен.

Я приоткрыл один глаз и в полузабытьи подумал: даже если это и вправду смертельная болезнь, то напоследок побыть в компании двух таких красавцев — вполне неплохо.

Жаль только, что оба они — люди чужие.

Я до сих пор помнил, как тот вредный владелец выставочного зала говорил мне: не дай себя обмануть внешностью профессора Ши, дома он ведет себя как высокомерный кот, его очень трудно приручить.

Тогда я намеренно ответил:

— А мне как раз нравятся те, кого трудно приручить.

И в тот день я получил кофе со вкусом горького лекарства «Хосян Чжэнци».

Больному человеку свойственно предаваться пустым раздумьям. От образа профессора Ши я перескочил к «Хосян Чжэнци», затем к болезням, что перенес за эти годы, к выпитым лекарствам, к долгим ночам, проведенным в беспамятстве и бессоннице, к алкоголю и кофеину, к Тарковскому и «Пинк Флойд».

Простуда не смогла меня убить. Не знаю, радоваться этому или жалеть.

Врач, которого привел профессор Ши, говорил по-немецки. Я ничего не понял, но, судя по тому, что он прикладывал к моему телу лед и заставил выпить ледяной воды, врач он был надежный. Не знаю, спала ли температура, но, по крайней мере, сейчас я соображал яснее.

Когда врач ушел, Линь Уцю наклонился и приложил тыльную сторону ладони к моему лбу.

— Все еще очень горячий, — обеспокоенно произнес он.

<http://bllate.org/book/27273/3307147>